

Марина
СЕРОВА

**Тайны
горных
обвалов**

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина Сергеевна Серова
Тайны горных обвалов
Серия «Русский бестселлер»
Серия «Телохранитель
Евгения Охотникова»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69311890
Тайны горных обвалов: Эксмо; М.; 2023
ISBN 978-5-04-188593-9

Аннотация

Марина Серова – феномен современного отечественного детективного жанра. Выпускница юрфака МГУ, работала в Генеральной прокуратуре. С 1987 года по настоящее время – сотрудник одной из специальных служб. Участвовала в боевых операциях и оперативных мероприятиях. Автор ряда остросюжетных повестей, суммарный тираж которых превышает двадцать миллионов экземпляров.

Профессионального телохранителя Евгению Охотникову пригласили для защиты капризной красавицы. Несколько лет назад Даша Корчагина потеряла мать, и это оставило отпечаток на ее характере. Теперь же своенравная девушка собралась в опасную экспедицию вместе с геологами, где ее подстерегает

опасность. Отец Даши, конечно же, против, а тут еще дочери пришла эсэмэска с угрозами. И только телохранитель Охотникова может повлиять на строптивицу...

Сериал «Профессиональный телохранитель Евгения Охотникова». Суммарный тираж книг Марины Серовой – 20 миллионов экземпляров!

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	34
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Серова, Марина Сергеевна.

Тайны горных обвалов

© Серова М.С., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог

Говорят, что смерть всегда забирает самых лучших. Она слишком несправедлива, эта несносная старуха с косой. Врывается тогда, когда ее не просят, уводя за собой тех, кто дорог, кому еще жить да жить. Смерть никогда не бывает милосердной, ей не свойственна жалость. И против нее нет оружия.

Она забрала человека, который был самым дорогим и любимым. Он слишком поздно узнал об этом и не хотел поверить в жуткую правду. Он пытался доказать, что это – чья-то грязная ложь.

Он не просто любил эту женщину – он ее боготворил. Она казалась ему ангелом, неземной принцессой, которая неизвестно как оказалась на грешной земле. Он понимал, что быть им вместе не суждено – он слишком неидеален для нее. Но осознание того факта, что она живет в этом мире, что она существует, помогало ему жить, надеяться и верить. Верить в то, что когда-нибудь они будут вместе.

Но этому не суждено было случиться. Смерть забрала ее навеки. Единственное, что осталось от земного ангела, – это надгробная плита на кладбище, на которую он каждый день приносил две красные розы. Розы были ее любимыми цветами, он это знал. Всегда дарил ей букет из пяти красных роз, из которых теперь осталось только две. Часами просиживал

на кладбище и клялся ей в вечной любви. Говорил, что на все готов ради нее. Что она была и остается его единственной любимой и ее никто никогда не сможет заменить.

А еще он дал ей обещание. Он поклялся отомстить убийце. И эта клятва давала ему силы жить дальше и ждать. Ждать возмездия.

Глава 1

Наверно, нет на свете ничего прекраснее, чем первый выходной день после напряженных трудовых будней. Точнее, нет, выходные у большинства людей все-таки случаются, раз в неделю точно. А вот первый день отпуска для человека, который долгий период времени работал нон-стоп, – это да, настоящий праздник.

Примерно так я себя чувствую после завершения очередного запутанного дела: как будто год пахала без выходных – и вот в кои-то веки выпала возможность отдохнуть. Работу свою я выполняю качественно и так быстро, насколько это возможно, однако за короткий промежуток времени, пока я защищаю клиента, полностью выматываюсь, так как работаю на пределе человеческих возможностей. Такова работа бодигарда – делать все возможное и невозможное, дабы защитить жизнь охраняемого мною человека.

Без ложной скромности могу сказать, что я, телохранитель Евгения Охотникова, являюсь лучшим специалистом Тарасова. Даже трудно вспомнить, сколько успешных расследований я провела за всю свою практику, сколько раз подставлялась под пули, спасая своих клиентов, сколько преступников отправила за решетку...

Да, мою жизнь скучной назвать трудно – событий в ней столько, что хватит на десяток-другой детективных романов.

Наверно, этим объясняется «скучное», по мнению моей тети Милы, хобби, которое я выбрала в свободное от работы время. Больше всего на свете люблю смотреть фильмы – могу провести за этим занятием целый день, не выходя из дома. Моя тетушка, которая обожает всевозможные культурные развлечения вроде походов на выставки, в театр или на концерты, искренне не понимает моих пристрастий. Она считает, что я бездарно трачу свою жизнь на сидение в четырех стенах моей комнаты за ноутбуком, и всеми способами пытается вытащить свою обожаемую племянницу «в свет».

Думаю, если бы тетушка работала телохранителем, она бы быстро изменила свою точку зрения, но, увы, специфику моей профессии трудно понять человеку, ведущему иной образ жизни.

Справедливости ради следует сказать, что тетя Мила все-таки дает мне передышку после выполнения очередного заказа – пару дней она меня не беспокоит, позволяет заниматься чем угодно и только пытается меня накормить самыми разнообразными блюдами. Я против этого ничего не имею – напротив, меня полностью устраивает такой расклад.

В первые дни своего отдыха я отсыпаюсь (встаю не в шесть утра, как обычно, а в половине седьмого), отъедаюсь до отвала, дегустирую вкуснейшие кулинарные шедевры, которые готовит моя тетушка, смотрю фильмы сколько душе угодно. Вот только если мой отдых затягивается, тетя Мила старается развлечь меня всеми доступными ей способами – вы-

таскивает на дружеские посиделки с ее подругами, знакомит с потенциальными кавалерами (моя родственница не оставляет попыток выдать свою племянницу замуж), заботится о моем культурном образовании (так себе идея, если честно, от классической музыки я засыпаю, а живопись и вовсе находится за гранью моего понимания). В этот период времени я пытаюсь избегать долгого времяпрепровождения дома – посещаю спортзал, где оттачиваю свои профессиональные навыки, стреляю в тире, тренируюсь до седьмого пота, лишь бы прийти домой в достаточно усталом состоянии и пресечь попытки тети Милы в очередной раз свести меня с неженатым сыном своей подруги.

Сегодня я рассчитывала посвятить день блаженному ничегонеделанью. Я имею на это полное право – накануне я завершила свое очередное расследование, клиент был спасен от неминуемой гибели, а преступник получил по заслугам.

Женя Охотникова, то есть я, пересчитала свой честно заработанный гонорар и вернулась домой поздно вечером.

Итак, целый день отдыха, вкусной еды и интересных фильмов – чего еще можно желать? Примерно так выглядит рай в моем понимании.

Утро началось с превосходного завтрака и бодрящего кофе, который я не спеша пила, пока тетя Мила суетилась возле плиты. Во время рабочих будней я частенько забывала поесть и поспать (работа в течение двадцати четырех часов в сутки – вещь совершенно обычная), поэтому сейчас я сма-

ковала каждое мгновение неспешной «мирной» жизни.

Удивительно, но спокойные домашние дни мне никогда не надоедали – может, по той причине, что моя профессия связана с постоянным риском для жизни, адреналином, драйвом и напряженной умственной работой. К тому же отдыхать приходится не так часто, как хотелось бы, а такой вещи, как отпуск, за всю свою жизнь я себе ни разу не позволила. Трудно представить, что я делала бы, если бы каждый год мне выпадала возможность отдохнуть на протяжении двадцати-тридцати дней.

Нормальные люди в это время ездят на курорты, принимают солнечные ванны или отправляются в турне, но вряд ли я бы решилась на такие вещи. Скорее всего, весь отпуск сидела бы дома, уставившись в экран ноутбука, спала бы, ела и фильмы смотрела...

– Женечка, как ты себя чувствуешь? – спросила тетя Мила, накладывая в мою тарелку подрумянившиеся ароматные сырники. – Выглядишь какой-то бледненькой, тебе бы отдохнуть надо!

Тетушка словно прочла мои мысли.

– Может, тебе съездить на лето куда? На юг, например, к морю! А то ты все время работаешь, это же невозможно!

– Да меня все устраивает, – улыбнулась я. – Я привыкла, и работу свою очень люблю. Ты же знаешь!

– Да, но сейчас ты очень устала, – заметила тетя. – Ты не заболела ли?

Я усмехнулась. С детства обладаю крепким здоровьем, не помню даже, болела ли я когда-нибудь гриппом.

– Все в порядке, – заверила я тетю, отламывая кусок сырника. – Потрясающе вкусно, сырники получились просто божественные!

– Рада, что тебе нравится! – улыбнулась тетя Мила, по всей видимости успокоившись тем, что аппетит у меня по-прежнему никуда не пропал. – Кушай, я много приготовила. Творог на рынке купила, настоящий, натуральный! Деревенский! Зимой такого нигде не найдешь!

Точно, на дворе ведь первые дни июля, подумала я, посмотрев в окно. Лето в Тарасове выдалось прохладное, дождливое, тогда как в прошлом году жители города изнывали от жары. Но сейчас все ругают холод – вроде и лето на лето не похоже, и погода осенняя...

Человек – странное существо, ему никогда не угодишь. Зимой ему не нравится мороз и холод, летом – жара, осенью – дожди, а весной – прохлада. Хотя я никогда не испытывала каких бы то ни было неудобств, связанных с погодой. Я спокойно отношусь как к лютым морозам, так и к изматывающей жаре, а нынешняя прохлада как нельзя кстати меня радовала.

Я взяла второй сырник, отпила глоток кофе. Но продолжить неспешный завтрак мне не удалось – внезапно зазвонил мой мобильный телефон. Я никогда не расстаюсь со смартфоном – не потому, что у меня зависимость от гаджетов, а

по той причине, что телохранитель всегда должен быть на связи. И именно по этой причине не меняю номер телефона, чтобы клиенты в любой момент могли до меня дозвониться.

Я взяла со стола телефон и посмотрела на экран. Незвестный номер. Значит, звонок по работе – вряд ли кто-то ошибся, хотя ничтожная вероятность этого существует. Сейчас я очень хотела бы, чтобы мой номер набрали по ошибке, – один день выходного мне как нельзя кстати.

– Слушаю, – проговорила я, поднеся телефон к уху.

– Доброе утро, – раздался незнакомый мужской голос. – Мне нужна Евгения Охотникова, я правильно звоню?

– Все верно, Евгения Охотникова – это я. – Я сдержала разочарованный вздох. – Чем могу быть полезна?

– Вас беспокоит Михаил Викторович Корчагин, – представился мужчина.

Я попыталась определить, сколько ему лет. Возможно, около пятидесяти – довольно степенный, размеренный голос, который мог бы принадлежать представителю, солидному человеку. Такой наверняка занимает руководящую должность в какой-нибудь компании, зарабатывает приличные деньги и запросто мог обратиться к телохранителю с целью защитить себя от конкурентов.

Все эти размышления заняли у меня несколько секунд, а мой собеседник между тем продолжал:

– Дело касается моей дочери, Дарьи. Но боюсь, это не телефонный разговор, возможно ли встретиться с вами лично?

У вас есть свободное время или вы заняты другим клиентом?

– Вам повезло, сегодня у меня выходной день, – проговорила я. – Могу побеседовать с вами в любое удобное для вас время, куда мне подъехать?

– Замечательно, что наши с вами расписания совпали, – заметил Корчагин. – У меня сегодня есть время до обеда, с двух часов дня я должен быть на переговорах с клиентами. Как вы считаете, подойдет ли для нашего с вами разговора кафе или ресторан? Хочется поговорить в таком месте, где никто не побеспокоит, а в офисе это сделать проблематично... А дома тоже не очень хочется разговаривать, в любой момент может прийти дочка, а сперва мне надо рассказать вам лично суть моей проблемы...

– Кафе или ресторан прекрасно подойдут для беседы, – заметила я. – Когда вы хотите встретиться? И в каком заведении?

– Вам удобно будет к десяти утра подъехать в ресторан «Арбуз», он находится на пересечении улиц Московская и Горьковская? Там очень хорошая кухня и по утрам мало посетителей, никто не будет мешать разговаривать!

– Хорошо, в десять буду в ресторане, – пообещала я.

Прощавшись с Михаилом Викторовичем, я положила трубку.

– Женечка, неужто снова работа? – ужаснулась тетя Мила, которая во время телефонного разговора находилась на кухне – она готовила мне яичницу с беконом.

Я кивнула.

– Ужас какой, совсем этим летом все с ума посходили! – воскликнула тетушка. – Ни минуты покоя тебе не дают! Я-то думала, ты уже всех преступников в Тарасове переловила, ну откуда они берутся? Кошмар просто!

– Да, всех убийц и злоумышленников, видимо, переловить не получится, – заметила я. – Откуда-то они появляются, точно грибы после дождя... С другой стороны, пока в городе есть кого защищать, для меня найдется работа. Без дела я все равно сидеть долго не люблю, хотя перспектива заманчивая... Но придется просмотр киноновинок отложить на какое-то время...

В десять утра я уже была в ресторане «Арбуз». Прекрасно знаю это заведение, оно расположено в центре города и отличается большим выбором блюд. Ресторан занимает два помещения – на первом этаже старинного дома и в подвале, где располагается бар с алкогольными напитками. Так как я не сторонница посиделок в компании со спиртным, то в подвальчике не бываю, а вот в главном зале запросто могу пообедать или поужинать. Цены хоть и достаточно высокие, зато качество блюд всегда на высоте, к тому же обстановка заведения весьма приятная, официанты вежливые и расторопные, да и ждать приготовления выбранного блюда не очень долго. На случай если нужно быстро поесть, в ресторане имеется шведский стол и можно взять любых блюд в

каком угодно количестве.

Когда я вошла в ресторан, там находился один-единственный посетитель – мужчина лет сорока пяти – пятидесяти, немного полный, с седеющими волнистыми волосами. Весьма приятной наружности, одетый в темно-синий деловой костюм и белую рубашку. Лицо незнакомца было гладко выбрито, волнистые волосы откинuty назад, что придавало мужчине обаяние и шарм. Он кого-то ждал – постоянно смотрел на мобильный телефон, не обращая внимания на чашку кофе, которую заказал, видимо, для того, чтобы просто так не сидеть в ресторане.

Я вытасила свой мобильный и набрала номер Михаила Корчагина. Как я и ожидала, телефон мужчины зазвонил. Он взял трубку, я нажала на «отбой» и подошла к его столику.

– Доброе утро, – поздоровалась я с ним. – Евгения Охотникова. А вы, полагаю, Михаил Викторович Корчагин?

– Да, вы не ошиблись, – улыбнулся мужчина. – Присаживайтесь...

Он встал и галантно выдвинул мне стул. Я опустилась на сиденье.

– Вы голодны? – вежливо осведомился Корчагин. – Здесь готовят замечательные завтраки, очень советую.

– Нет, я уже ела, благодарю. Ограничусь чашкой кофе, – произнесла я.

К нашему столику подошла официантка и с улыбкой спросила, готовы ли мы сделать заказ и не принести ли меню. Я

попросила чашку эспрессо, Корчагин посмотрел на свой кофе и заказал американо с ореховым сиропом. Немного подумав, дополнил:

– И кремовое пирожное к кофе.

Я последовала его примеру и тоже заказала десерт.

Официантка отправилась выполнять наш заказ, а я посмотрела на Михаила Викторовича и проговорила:

– Думаю, стоит перейти к сути дела. Мне хотелось бы знать, что произошло с вашей дочерью, вы ведь для нее хотите нанять телохранителя?

– Да, для Даши, – кивнул Корчагин. Немного помедлил, потом продолжал: – Даже не знаю, возьметесь ли вы за мое дело... Наверно, вы решите, что я зря себе навывдумывал и что моей дочери ничего не угрожает, вот только боюсь, это не так...

– Вы не можете знать наверняка, что я решу, – заметила я. – Давайте по порядку. Расскажите, что случилось, а потом я скажу вам, возьмусь за ваше дело или нет.

– Да, вы правы, – вздохнул Михаил Викторович. – В общем, у меня есть дочь, Даша. Ей девятнадцать лет, воспитываю я ее один. Точнее, раньше, когда Леночка – моя жена – была жива, Даша росла в полной семье. Но четыре года назад Лена трагически погибла – мы попали с женой в аварию, я отделался переломом руки, а вот жена получила тяжелые травмы... Месяц она лежала в коме, а потом... Потом, увы, ее не стало...

Он остановился. Официантка принесла наш кофе и десерты, с вежливой улыбкой поставила поднос на столик, после чего пожелала нам приятного аппетита и удалилась. Я сделала глоток эспрессо, проговорила:

– Соболезную вашему горю. Вы, как я понимаю, повторно не женились?

– Нет, Леночка была и остается единственной женщиной в моей жизни, – покачал головой Корчагин. – Сомневаюсь, что я когда-нибудь начну новые отношения. После ее смерти как будто умерла часть меня, и я до сих пор не могу себе простить ее гибели. Я ведь был за рулем и вовремя не смог затормозить – на встречную полосу выехал грузовик, а Лена была не пристегнута. Если бы она воспользовалась ремнем безопасности, то, возможно, осталась бы жива... Но жена в тот вечер забыла пристегнуться, а я не посмотрел, что она едет без ремня безопасности. Мы ехали на день рождения к подруге Лены, Наташе, и жена выходила по пути в магазин, покупала подарок. Дочь с нами не поехала, она готовилась к экзаменам, училась в девятом классе, поэтому мы были вдвоем с Леночкой. Я, как назло, задержался на работе, поэтому пришлось ехать быстро, а тут еще этот проклятый грузовик нарушил правила дорожного движения, и в результате вместо дня рождения мы с женой оказались в больнице. Признаться, после смерти Леночки я сам хотел уйти из жизни, только мысль о дочери удерживала меня от самоубийства. Сама Даша тяжело переживала утрату матери, она

замкнулась в себе, сидела в своей комнате, не ходила в школу, отказывалась от еды. Мне надо было жить ради дочери, надо было помочь Даше выйти из депрессии и самому не погрузиться в омут отчаяния. Существует поговорка «Время лечит», но это ложь. Со временем боль не утихла, и никогда не утихнет, это я точно знаю. Можно приучить себя жить с болью, но исчезнуть – она никогда не исчезнет...

Михаил Викторович замолчал. Я ждала, когда он продолжит свою историю, но было видно, что вспоминать о смерти жены мужчине тяжело. Не знаю, зачем он стал мне все это рассказывать, – Елена погибла из-за несчастного случая, ее не убили. Хотя кто знает, быть может, дело, которое мне предстоит вести, связано со смертью жены Михаила Викторовича...

– Но вы справились с горем, верно? – произнесла я, когда пауза в рассказе Корчагина слишком затянулась.

Михаил Викторович кивнул, отпил глоток кофе и отломил ложечкой кусок пирожного.

– Никогда раньше не любил сладкое, – заметил он, кивая на десерт. – Когда Леночка была жива, я всегда просил ее готовить мясные блюда, она превосходно готовила... И вообще отлично с домашними делами управлялась, у нее к этому был талант. Красавица, умница, хозяйственная, в общем, мне очень повезло. Жаль, ненадолго... Когда Лены не стало, я серьезно раздумывал о способах самоубийства. Петля на шею для человека со сломанной рукой – вещь весьма про-

блематичная, застрелиться не из чего, а наглотаться таблеток как-то несолидно, такое разве что барышни могут себе позволить. Я даже начитался статей о самых невероятных суицидальных попытках. Наткнулся на рассказ об одной девушке, которая решила уйти из жизни с комфортом и наелась шоколада. Понятия не имею, сколько надо слопать шоколадок, чтобы отправиться на тот свет, но идея мне понравилась. Кстати, та самоубийца так и не умерла, испугалась и вызвала «Скорую». А я купил себе плитку шоколада и, как это ни парадоксально, съел ее целиком. Вы, поди, удивляетесь – у человека горе, умерла жена, а он шоколад трескает. Увы, я не из тех людей, у которых стресс отбивает аппетит, – почему-то из-за трагедии я стал есть много сладостей. Так и пристрастился к конфетам и пирожным... Вы уж простите, что я так много не по делу болтаю, сам от себя не ожидал. Признаться, с дочерью мы не говорим о Лене, у нас установилось негласное правило – не разговаривать о ней. Но при этом и я, и дочь постоянно думаем о Леночке, просто вслух не говорим, чтобы друг другу не напоминать о нашем горе. Дурацкая идея – все равно и мне, и Даше от этого легче не становится, но я боюсь при дочери говорить о своей жене. А она не хочет меня расстраивать, держит все в себе. Неправильно все это... Вот и выбалтываю все вам, пора это прекратить. Так, теперь ближе к делу...

Он остановился, выпил залпом свой кофе, а потом продолжил:

– Даше сейчас девятнадцать лет, она учится на факультете журналистики. Занимается фоторепортажами – специализируется на телевидении, но профессионально занимается фотографией, также пишет заметки. Сейчас у студентов практика, Даше надо сделать материал и сдать его в конце июля. Времени в обрез, и дочь долго думала над темой репортажа. Она решила поехать в геологическую экспедицию на корабле, туда каждый год посылают ребят с факультета журналистики. В прошлом году Даша не попала в экспедицию – она плохо сдала сессию, а туда отправляют лишь тех, кто хорошо себя зарекомендовал во время учебного года. Однако в этот раз взяли всех желающих – дело в том, что многие из группы дочери отказались ехать, потому что жить десять дней в походных условиях, ночевать в палатках не каждый человек может. Даша рассказывала, что поехать в экспедицию предлагали ее одноклассникам, однако те не захотели, а дочка попросила взять ее. Она рассчитывает сделать хороший материал. Запретить дочери ехать я не смог – она попросту не слушается меня и делает то, что хочет. Мы с ней впервые серьезно поссорились – Даша с детства упрямая, вспыльчивая и взбалмошная, она не воспринимает запретов, не идет на компромисс. Полная противоположность Лене – та была спокойной, терпеливой, мягкой. Даже когда мы с женой спорили, Леночка всегда выслушивала мою точку зрения, и, если я был не прав, она аргументировано доказывала несправедливость моих суждений... У Даши же существует

только два решения той или иной проблемы: ее собственное и неправильное. И если она надумала ехать в экспедицию, остановить ее не сможет никто и ничто. Если произойдет наводнение, цунами или землетрясение, это не помешает дочери осуществить задуманное...

– А почему, собственно, вы против поездки? – поинтересовалась я. – Думаете, Даша не справится с трудностями походной жизни?

– Дашка? – хмыкнул Михаил Викторович. – Да Дашка справится с чем угодно и с кем угодно, она, в отличие от своих однокурсниц, не изнеженное создание, та еще оторва... В хорошем смысле этого слова.

– Так почему вы не хотите отпускать ее? – недоумевала я.

– Да потому, что это очень опасно! – воскликнул Корчагин. – Дело в том, что мой брат, царствие ему небесное, был геологом. И он ездил в эти экспедиции, не только по области мотался, но и по всей стране. Увы, Нижняя Банновка, место, где будет проходить экспедиция, оказалась для него роковой точкой. Брат погиб год назад – произошел обвал, его хоронили в закрытом гробу... Сначала Саша просто пропал – он отправился один что-то разведывать, ничего никому не сказал. Очень на него не похоже – ведь он бывалый геолог, скорее всего, просто переоценил свои силы. Или наткнулся на что-то интересное, решил сам проверить, а потом сказать остальным товарищам... В общем, его хватились вечером, долго искали, но так и не нашли. На следующий день

вызвали спасателей, а те обнаружили труп мужчины, сильно изувеченный – даже личность установить не смогли. Скорее всего, это и был мой несчастный брат. Погиб молодым, даже до сорока лет не дожил, Саша младше меня был на шесть лет. В этом году ему бы тридцать девять исполнилось... Жуткая смерть. А теперь Дашка собирается в эту треклятую экспедицию ехать, а ведь она лезет везде, где только можно и нельзя, наверняка наживет себе неприятностей. Ее вообще по хорошему никуда отпускать не следует, да вот только дома я ее не удержу при всем своем желании. Если Саша, опытный геолог, умер, то что может произойти с девятнадцатилетней девчонкой, для которой не существует слова «нет», мне и представить страшно! Если бы Лена была жива, может, дочь не выросла бы такой безбашенной, но мне кажется, что смерть жены повлияла на характер Даши. Она таким образом справляется с горем – превращает свою жизнь в погоню за адреналином. И обо всем мне сообщает постфактум. Был период, когда Дашка связалась с плохой компанией, стала пить, к счастью, до наркотиков дело не дошло... Потом, когда дочь поссорилась со своими друзьями-подружками, она стала искать других развлечений – даже с парашютом один раз прыгнула, к счастью, ей это не понравилось, слишком тяжелая была парашютная система, и Дашка решила оставить парашютный спорт. Зато она летала на параплане, какое-то время занималась верховой ездой – тоже, к счастью, наскучило ей это. Чем-то спокойным дочь увлекаться не желает

– она никогда не занималась рукоделием, как Леночка, домашнее хозяйство терпеть не может и даже готовить не умеет. Раньше мне приходилось заниматься этим делом, но максимум, что я могу на кулинарном поприще, – это отварить яйца да пожарить гренки. Пришлось нанимать домработницу, благо моя зарплата позволяет это сделать, иначе мы бы с Дашкой точно померли с голоду, а дома бы тараканы завелись... Ладно, к делу это не относится, но теперь вы представляете, какая у меня дочурка. И теперь ей в голову взбрело ехать в экспедицию! Да она же себе голову там где-нибудь свернет в первый же день!

– Как я поняла, вы хотите, чтобы я охраняла Дашу от нее самой? – уточнила я.

Михаил Викторович пожал плечами.

– Да, но и не только в этом дело. Понимаете, был один случай... То есть я ведь случайно узнал об экспедиции, Дашка мне об этом даже не рассказала. В общем, дня три назад, вечером, дочка находилась в ванной. Я сидел на кухне и работал за ноутбуком, ждал Дашу, чтоб поужинать. Телефон дочери лежал на столе – Дашка подолгу в ванной не засиживается, обычно она везде свой смартфон таскает, а тут, видимо, забыла взять. Но я по чужим мобильным не лазаю, считаю, что телефон – это такая же личная вещь, как и дневник или письма. Но неожиданно Дашкин телефон зазвонил, я его взял, чтобы отнести дочери в ванную, увидел, что пришло эсэмэс-сообщение с неизвестного номера. Сам не знаю, по-

чему я открыл сообщение – возможно, по привычке, механически нажал кнопку. Я свои эсэмэски сразу читаю, вот и Дашкину тоже случайно прочел. И содержание письма мне совершенно не понравилось. В сообщении говорилось: «Поедешь в экспедицию – твоего трупа не найдут». И все! Я был в шоке, не понимал, что за экспедиция и кто мог писать дочери такие вещи... Смотрел на сообщение, хотел было перезвонить, но тут Дашка вошла в кухню, увидела меня со своим мобильным, выхватила телефон, стала орать, что я шарюсь в ее сотовом. Я хотел было сказать, что случайно нажал на кнопку, но она и слушать ничего не желала. Тогда я прямо спросил, кто ей написал эсэмэс и о какой экспедиции говорится в письме. Дашка сразу удалила сообщение, номер я не запомнил, не стала ничего отвечать, забрала телефон и выбежала из кухни. Не буду вдаваться в подробности того скандала, скажу только, что мне удалось выяснить, что моя дочурка собирается ехать, то есть плыть, на каком-то корабле в Нижнюю Банновку с геологами и снимать про них материал. Дашка заявила, что я могу не тратить время и не пытаться запрещать ей эту поездку – все равно она сделает по-своему, а если я стану возражать, и вовсе сбежит из дома. Попусту дочка словами не разбрасывается – я прекрасно понимал, что она выполнит свою угрозу, если я ее не отпущу. Но я очень боюсь, что с ней что-то случится, тем более эта эсэмэска с угрозой... Дашка говорит, что кто-то неудачно пошутил, но я ей не верю. И мне кажется, дочь знает, кто

ей прислал сообщение, вот только она не хочет меня волновать, потому что я против этой поездки. Даже если бы эсэм-эс с угрозой не было, я бы все равно нанял телохранителя для дочери, она – единственный человек, ради которого я живу... Если бы Даши не было, наверняка я бы покончил с собой после смерти Леночки.

– Как вы думаете, кто может желать зла вашей дочери? – спросила я. – У вас есть предположения, почему отправитель эсэмэски не хочет, чтобы Даша ехала в экспедицию?

– Я понятия не имею, – покачал головой Корчагин. – Даша не слишком часто откровенничает со мной. Я даже не знаю, как выглядит ее парень – дочь не захотела меня знакомить со своим молодым человеком, все обещает как-нибудь пригласить его в гости, но пока кормит меня «завтраками». Признаться, воспитывать Дашу без Лены мне сложно, тем более жена умерла в период, когда дочь находилась в подростковом возрасте. Для меня Дашка – загадка, я никак не могу найти к ней подход. Иногда создается впечатление, что дочь все делает мне назло, хотя я понимаю, что у Даши просто характер такой. Я знал ее школьных подруг – Катю Волкову, Ангелину Гаврилову, потому что дочь неоднократно приглашала их домой. Но после школы Даша не поддерживает с ними отношений, по крайней мере, в гостях они у нас давно не были. По поводу врагов дочки... Да, собственно, у кого их нет? В школе у Даши имелись и недоброжелатели, в основном девчонки, как у всех. В детстве чего только

не бывает – и дружба навеки, и кровная вражда до смерти, у самого такое в школьные годы случилось. Был у меня и закадычный друг, и лютей враг, с которыми со временем общение сошло на нет, и причин, по которым происходили ссоры, я не вспомню. Сейчас, когда дочка учится в университете, она завела новых друзей и подруг, частенько домой поздно вечером приходит. Но к нам в гости не приглашает никого, не знаю почему. Думаю, про знакомых Дарьи вам лучше у нее спросить, хотя не знаю, удастся ли вам наладить контакт с дочерью. Признаться, я представления не имею, как Дашка отреагирует на то, что в экспедицию с ней поедет телохранитель. Может все в штыки принять, а может согласиться – предугадать трудно. Точно я не скажу...

– Где сейчас находится Даша? – задала я новый вопрос. – Насколько мне известно, у студентов сейчас каникулы, верно? Или нет?

– Практика у них в конце июня закончилась, – кивнул Михаил Викторович. – Но Даше надо проект сдавать, она целыми днями по городу шатается, делает фотографии и собирает материал. Первоначально она собиралась сделать репортаж об экстремальном отдыхе в Тарасове, однако эта идея сейчас ей не особо нравится. У нас только прыжки с парашютом, скалодром, ипподром, ну, может, еще что – негде разгуляться. Скалодром маленький, кто-то уже писал такой материал, ипподром тоже не подошел, не знаю, по какой причине. То ли эти темы уже взяли, то ли просто Дашка загорелась идеей

плавучей экспедиции, но дочь сейчас в творческом поиске. В основном она монтирует видео и занимается художественной фотосъемкой, так сказать, набивает руку.

– Ясно, – кивнула я. – Мне бы хотелось встретиться с вашей дочерью и поговорить с ней. Заодно узнаю, кто написал ей эсэмэс-сообщение с угрозой. Вы говорили, что не запомнили номер, с которого вашей дочери отправили письмо?

– Увы, Дашка быстро удалила эсэмэс, – покачал головой Корчагин. – А у меня не фотографическая память, цифры я не запомнил. Даже оператор какой, вспомнить не могу. Заканчивается на цифры сорок пять вроде, да, точно. В конце стоит сорок пять.

– Жаль, что вы не помните оператора, – проговорила я.

Если бы первые цифры неизвестного номера Михаил Викторович мне назвал, я, вероятнее всего, смогла бы установить точный номер мобильного. Но сколько существует симкарт, оканчивающихся на цифру сорок пять, трудно представить. Возможно, тысяча, а может – десятки тысяч. Это все равно что искать иголку в стоге сена, только время зря терять. Если Даша знает, кто отправитель, тогда другое дело. Но вот если нет – ситуация осложняется...

– Увы, – развел руками Михаил Викторович. – Надо было мне переслать это сообщение себе на телефон, но я вовремя не сообразил, а потом Даша увидела, что ее мобильный у меня. Я и глазом моргнуть не успел, как она выхватила из моих рук свой сотовый, дочка была в бешенстве. Она ведь

знает, что я уважаю ее личное пространство, ни в ноутбук, ни в телефон ее не заглядываю, хотя надо было бы. А то Дашка совсем из-под контроля вышла, вдруг с ней и правда что-то случится...

– Сейчас поздно жалеть о том, что не сделано, – заметила я. – Помните, вы говорили, что ваша дочь связалась с плохой компанией? Расскажите про это подробнее, быть может, кто-то из давних друзей Даши пытается сейчас ее запугать.

– Вряд ли дочь с кем-то из них сейчас общается, – заявил Корчагин. – Эта история произошла три года назад, Даше было шестнадцать, как раз после смерти Леночки. Дочка забросила учебу, вела себя неадекватно, грубила мне, ругалась. Стала пропадать где-то по ночам, на мои вопросы не отвечала, на угрозы и наказания не реагировала. Я даже пытался ее к психологу отвести, но без толку. Даша упорно меня игнорировала и огрызалась. Начала курить, я у нее неоднократно находил пачки сигарет, которые выкидывал, пытался с ней говорить, даже дома запирал. К тому же Дашка начала выпивать – от нее разило алкоголем, хотя она все отрицала. Учителя знали о трагедии, которая произошла с матерью Дарьи, сочувствовали ей, прощали невыполненные домашние задания. Но однажды мне позвонила классная руководительница и спросила, как себя чувствует моя дочь и выздоровела ли она. Оказалось, что Даши не было на занятиях целую неделю, она позвонила классной и сказала, что заболела гриппом. Где дочка была все это время – неизвестно, мне она говори-

ла, что идет в школу, а сама каждое утро шлялась не пойми где... Я понял, что ситуация вышла из-под контроля, дождался прихода Даши и конфисковал у нее телефон. Сказал, что мобильный она получит только тогда, когда возьмется за ум, будет посещать уроки и делать домашнее задание. А для пущей верности объявил, что теперь сам буду отвозить ее в школу, как маленькую, и забирать домой. Только после этого Дашка успокоилась, пообещала, что будет нормально себя вести, перестанет общаться с «ребятами», и попросила меня не выполнять мою угрозу. Я дал дочери время на исправление, но она сдержала слово. Перестала пропадать по ночам, по всей видимости, она развлекалась в каком-нибудь ночном клубе со своей компанией, бросила курить и пить, даже сдала нормально выпускные экзамены. Сказала, что будет поступать на факультет журналистики, подала документы в университет. Когда ее приняли (я думал, придется платить за учебу, однако дочь поступила на бюджетное отделение), я подарил ей профессиональный фотоаппарат. Даша хотел стать фоторепортером, она искренне радовалась подарку и за лето полностью освоила технику. Я вздохнул с облегчением – дочка «перебесилась», выбрала профессию и пустила свою неумемную энергию в дело. Как говорится, теперь жить бы и радоваться, но Дашка подалась в другие авантюры – за лето она не только фотографией занималась, но успела и с парашютом прыгнуть, и с лошади упасть, и на парашюте полетать... Даже не знаю, в кого она такая, – Леночка всегда

была спокойной, уравновешенной, я тоже не склонен искать приключений на свою голову. Единственная надежда на то, что когда-нибудь дочка успокоится, наиграется и остепенится. И не свернет себе ненароком шею во время своих развлечений...

– Значит, вы не знаете, с кем общалась Даша, когда приходила домой пьяная и прогуливала школу? – вернулась я к интересующему меня вопросу.

Михаил Викторович отрицательно покачал головой.

– Вы, наверно, считаете, что я – безответственный отец, раз ничего не знаю о жизни своей дочери, – заметил он. – Но поверьте, это не так. Я очень хотел бы, чтобы Даша делилась со мной своими переживаниями, знакомила меня со своими друзьями, рассказывала о том, как проходят дни в университете... Увы, моя дочь по неведомым мне причинам не хочет открываться со мной. Хотя я всегда пытался дать ей все самое лучшее, старался сделать так, чтобы жена с дочерью ни в чем не нуждались... Может, все из-за того, что в детстве Даша все время проводила с матерью, в то время как я зарабатывал деньги. Должность управляющего крупной компанией требует много времени и сил, порой приходилось пахать без выходных. Вот дочь и отвыкла от меня... А когда Лена умерла, Даша не захотела впускать меня в свою жизнь. Я очень люблю свою дочь, но отношения у нас с ней напряженные, Даша отгородилась от меня высокой каменной стеной и не желает ее разрушить. Я же только одного хочу: что-

бы с дочкой все было в порядке, чтоб у нее была счастливая и долгая жизнь...

– Быть может, вам стоит проявлять больше участия к жизни вашей дочери? – предложила я. – Попробуйте понять ее интересы, займитесь с ней чем-нибудь вместе, пусть даже теми самыми полетами на параплане или чем-то подобным. Понимаю, меня это не касается, я не хочу лезть в ваши дела, но раз все так плохо, почему бы не попытаться изменить ситуацию?

– Возможно, вы и правы, – согласился со мной Корчагин. – Если бы не работа, я бы поехал с Дашей вместе в экспедицию, придумал бы что-нибудь... Хотя я и не геолог. Ладно, все равно это всего лишь теории, вся моя надежда на вас. Прошу вас, Евгения, возьмитесь за мое дело, проконтролируйте, чтобы с Дашей во время экспедиции ничего не случилось! Сейчас это самое главное, остальные проблемы будем решать по мере поступления.

– Для начала я хотела бы поговорить с Дашей, – сказала я. – А уже исходя из результатов нашей беседы будет понятно, как сложится наша с вами работа дальше. Когда состоится экспедиция?

– Пятого июля, уже совсем скоро, – вздохнул Михаил Викторович. – А насчет разговора с дочерью – это, я думаю, можно устроить. Сейчас я позвоню Дарье и узнаю, когда она будет сегодня дома.

– Хорошо, – кивнула я.

Корчагин набрал номер дочери и стал ждать, когда та ответит. Вскоре Даша взяла трубку, Михаил Викторович произнес:

– Дашутка, привет! У тебя на сегодня какие планы?

Последовал ответ, которого я не слышала; мужчина продолжал:

– Замечательно! Ничего тогда на сегодня не планируй, ты мне сегодня нужна. Оставайся дома, ладно? Я скоро подъеду... нет, ничего не случилось, успокойся! Просто надо поговорить. Жди, минут через двадцать-тридцать все узнаешь!

Он положил трубку и проговорил, обращаясь ко мне:

– Все в порядке, Даша сегодня собирается быть дома, монтировать видео и обрабатывать фотографии. Вы не против сейчас поехать к нам домой? Познакомитесь с дочкой, общаетесь с ней. Надеюсь, все сложится удачно, вы найдете общий язык!

– Не возражаю, – произнесла я. – Моя машина припаркована неподалеку от кафе, можем сразу выезжать.

Мы расплатились с официанткой и покинули ресторан. Свой десерт я так и не успела попробовать, только кофе допила. Михаил Викторович, напротив, ничего не оставил на своей тарелке.

«Похоже, он и в самом деле сладкоежка», – подумала я про себя.

Глава 2

Корчагины проживали практически в центре города – на улице Советской, недалеко от цирка. Михаил Викторович ехал на своей машине, я – на своей, адрес он мне сказал, но я двигалась вслед за ним. Вскоре мы припарковались на стоянке возле девятиэтажного дома, Корчагин вышел из своего автомобиля и подождал меня.

– Мы живем на четвертом этаже, в пятнадцатой квартире, – проговорил он. – Идемте за мной.

Он подошел к первому подъезду дома, набрал номер квартиры. Вскоре к домофону подошли, женский голос спросил, кто это. Судя по всему, женщине было около пятидесяти лет, я решила, что это домработница. Михаил Викторович поздоровался с некой Серафимой Павловной, и нам открыли дверь.

– Серафима Павловна – это ваша домработница? – уточнила я.

Корчагин кивнул.

– Да, она приходит к восьми утра и работает до шести вечера. Готовит, убирает, стирает – в общем, выполняет все домашние обязанности. Вас ведь не смутит присутствие постороннего человека?

– Нет, ваша домработница мне ничем не мешает. Я бы хотела и с ней побеседовать, если это возможно.

– С Серафимой Павловной? – изумился Корчагин. – Но зачем?

– Мало ли, быть может, она замечала что-то странное, – пожала я плечами. – А может, знает, кто написал Даше эсэмэс-сообщение. Домработницы обычно в курсе того, что происходит в доме, где они работают.

– Не думаю, что дочка откровенничала с Серафимой Павловной, – с сомнением проговорил Михаил Викторович. – Вроде они не общаются, точнее, разговаривают только по делу. Домработница спрашивает, что Даша хочет на ужин, например, или интересуется, стирать ли сегодня вещи дочери. Собственно, на этом их общение заканчивается...

– Вы можете не знать, что происходит в доме во время вашего отсутствия, – заметила я. – Может, все несколько иначе, чем вы себе представляете.

– Вы правы, не знаю... Но я очень удивлюсь, если Серафиме Павловне известно что-то об эсэмэс с угрозой. Вряд ли Даша рассказывала домработнице об этом сообщении...

– Но вы же прочли эсэмэс, верно? – возразила я. – А Серафима Павловна могла, скажем, услышать телефонный разговор вашей дочери. Или увидеть, что Даша с кем-то встречается, да мало ли всего, что могла заметить домработница! Возможно, я ошибаюсь, но проверить мою догадку все же стоит.

– Хорошо, делайте, как посчитаете нужным, – сдался Михаил Викторович.

Мы доехали на лифте до четвертого этажа, в дверях нас встречала женщина, одетая в синее платье с длинными рукавами, поверх которого был повязан серый фартук. Волосы женщины были заколоты в аккуратный узел на затылке, на вид ей было около сорока пяти – пятидесяти лет. Довольно сухощавая, даже худая, с морщинистым лицом, но при этом – энергичная и активная. Казалось, домработница постоянно чем-то занята и сидеть без дела не привыкла. У нее даже мимика была подвижной, к тому же во время разговора Серафима Павловна (а это была именно она) бурно жестикулировала.

Она поздоровалась с нами, тут же принялась рассказывать Михаилу Викторовичу, чем сейчас занимается, на каком этапе ее работа, и одновременно поинтересовалась, что купить в магазине для приготовления обеда и ужина.

Мысли домработницы перескакивали так быстро, что трудно было уследить за течением ее монолога. Удивительно, как Корчагины не устают от столь многословной Серафимы Павловны, – у меня от всего этого потока информации даже слегка закружилась голова. Но Михаил Викторович, похоже, привык к своей домработнице – он поблагодарил женщину за ее труды, изъявил желание поужинать ризотто с овощами, а на десерт попросил приготовить яблочный пирог.

– У вас талант создавать вкуснейшие десерты, Серафима Павловна! – заметил Корчагин. – Я просто без ума от вашей

яблочной шарлотки, вы нас балуете!

– Ой, да что вы, Михаил Викторович! – засмушалась домработница, хотя было видно, что похвала ей очень приятна. – Я вам еще не готовила морковный пудинг, Дашенька почему-то не хочет, она, наоборот, не любит мучное и сладкое... Так бы я вам столько всяких блюд приготовила, вы бы ни в каких ресторанах такое не попробовали!

– Да, на Дашутку угодить сложно, – вздохнул Корчагин. – Она у меня за фигурой следит, для нее, пожалуйста, сделайте что-нибудь диетическое. Она, кстати, дома?

– Да, Дашенька сидит за ноутбуком у себя в комнате, – кивнула Серафима Павловна. – Она пожелала обедать и ужинать окрошкой без мяса и яиц, я как раз собираюсь идти за овощами... Вы, как я помню, окрошку не любите?

– Терпеть не могу, какой-то салат в квасе или простокваше, – скривился Михаил Викторович. – Но если других вариантов нет, не напрягайтесь с таким количеством готовки... А то вы и так пашете не покладая рук...

– Что вы, что вы, мне только в радость! – заверила его домработница. – К тому же вы мне щедро платите, поэтому я рада для вас стараться! Быть может, вы голодны? У меня есть пирожки с капустой, Дашенька их кушать не захотела, она завтракала вареным яйцом и йогуртом, греческим, как она любит...

– Нет-нет, мы недавно с Евгенией позавтракали, – прервал гастрономические подробности Корчагин. – С вашего

разрешения, мы пройдем в комнату дочери, нам надо с ней поговорить...

– Ой, да как же, вы же на пороге стоите! – всплеснула руками Серафима Павловна. – Ой, простите меня, совсем вас заболтала, да вы же проходите, проходите! Вот, пожалуйста, располагайтесь, сумочку можете повесить на крючок, вот ваши тапочки, Михаил Викторович, а вот для гостей, не переживайте, они совсем новые...

Сопровождаемые непрерывным тараканьем домработницы, мы с Корчагиным прошли в просторную, светлую прихожую, обставленную со вкусом, в одной цветовой гамме. На полу – ни пылинки, ни соринки, вся обувь вычищена до блеска, зеркало во весь рост сверкает чистотой. Видно, Серафима Павловна и вправду работает не покладая рук, трудится каждый день. Иначе невозможно навести такую чистоту, по крайней мере, я не представляю, как современные женщины без домработниц справляются с домашним хозяйством да еще умудряются где-то работать. А прибавьте к этому приготовление пищи, уход за ребенком (или детьми, мы ведь берем среднестатистическую семью), поход в магазин за продуктами...

Нет, все-таки хорошо, что моя жизнь не вписывается в привычные рамки, – Женя Охотникова запросто может поймать преступника да спасти клиента от опасности, но справиться с приготовлением обеда или с уборкой мне явно не по силам...

Серафима Павловна по-прежнему что-то говорила Михаилу Викторовичу, но тот не обращал на ее болтовню никакого внимания. В конце концов домработница отправилась на кухню, мы же с Корчагиным пошли в комнату его дочери.

Квартира оказалась трехкомнатной, у Михаила Викторовича были отдельные апартаменты, большая комната была отведена под гостиную.

Корчагин постучал в запертую дверь напротив прихожей, и я услышала голос Даши:

– Да, войдите!

Михаил Викторович толкнул дверь, пропустил меня вперед, сам зашел следом. Я огляделась.

Комната Даши была довольно большой и светлой, но такого идеального порядка, как в прихожей, здесь не наблюдалось. Конечно, помещение убирала домработница, однако девятнадцатилетняя дочь Михаила Викторовича так шепетильно, как Серафима Павловна, к чистоте не относилась. На широкой кровати валялись одежда, какие-то книги и тетради, стол тоже был захламлен разными вещами. В комнате я увидела целых три шкафа – наверняка один из них предназначался для одежды, два других – то ли для книг и бумаг, то ли для гардероба девушки, не поместившегося в один платяной. Дверцы были закрыты, поэтому я могла только догадываться о содержимом шкафов.

Сама хозяйка комнаты сидела на кровати, на коленях ее лежал ноутбук, девушка что-то набирала на клавиатуре.

«Интересно, – подумала я про себя, – похоже, Даша занимается не обработкой фотографий, возможно, пишет статьи или занимается чем-то помимо учебы. Насколько мне известно, фото редактируются при помощи компьютерной мыши, которая в настоящее время находилась на столе, среди бумаг и тетрадок».

Дочка Михаила Викторовича была стройной, длинноногой девушкой, наверняка высокого роста (так как Даша сидела на кровати, я не могла точно определить ее параметры). У нее была короткая ультрамодная прическа с косой челкой, волосы девушки были выкрашены в черный цвет с отдельными розовыми прядями. Лицо довольно миловидное, только Даша слегка переборщила с косметикой – обведенные черным глаза выглядели чересчур ярко и вульгарно, хотя сама дочь Корчагина, видимо, считала это красивым. Одета красотка была в свободную черную футболку явно не ее размера и очень короткие джинсовые шорты, позволяющие лицезреть все великолепие длинных стройных ног девушки.

– Дашутка, привет! – поздоровался с дочерью Михаил Викторович.

Та что-то набирала на клавиатуре, не поднимая глаз.

Корчагин посмотрел на меня с виноватым выражением лица и проговорил уже громче:

– Даша, ау! Ответь, когда с тобой разговаривают!

– Пап, ну сейчас, не мешай! – отмахнулась девчонка.

Наконец она допечатала то, что так сосредоточенно наби-

рала на клавиатуре, и с недовольным видом посмотрела на нас с Михаилом Викторовичем.

– Я работаю, неужели трудно подождать? – возмущенно произнесла девушка. Потом взглянула на меня и весьма невежливо спросила: – А это кто?

– Даша, прости, что мы мешаем тебе, но это важно, – Корчагин не обратил внимания на фамильярный тон дочери. – Познакомься, это Евгения Охотникова. Она поедет с тобой в экспедицию.

– Чего? – Даша нахмурилась. – Это с какой еще радости? Она что, геолог, что ли?

– Нет, Евгения не геолог. Она – твой телохранитель, – спокойно объявил Михаил Викторович. – Женя хочет поговорить с тобой, постарайся ответить на ее вопросы. От этого зависит твоя безопасность в экспедиции.

– Пап, ты вообще в своем уме? – Даша положила ноутбук на кровать и воззрилась на отца. Потом перевела взгляд на меня, снова посмотрела на него и заявила: – Это просто бред какой-то! Если ты пошутил, то совсем не смешно!

– Это не шутка и не бред. – Корчагин сохранял железное спокойствие, я даже восхитилась его выдержке.

Видимо, человек обладает фантастическим терпением и стальными нервами, раз выдерживает словесные потоки домработницы и совсем не примерное поведение своей дочери.

То, что с Дашей придется повозиться, я поняла сразу же

– девица принадлежит к тому типу людей, что все делают наперекор другим. Дарья не признает авторитетов, отца она явно не слушает и вообще делает лишь то, что ей заблагорассудится.

Повезло мне с клиенткой, ничего не скажешь... Каждое слово придется вытаскивать из девицы клещами, это как пить дать...

– Если ты хочешь поехать в свою плавучую экспедицию, будь другом, пообщайся с Женей и расскажи ей, кто пишет тебе эсэмэс-сообщения с угрозами! – строго проговорил Михаил Викторович. – Имей в виду, Дарья, одна, без телохранителя, ты никуда не поедешь! Понятно?

– Ха-ха-ха, – медленно, по слогам проговорила девчонка. – Насмешил! Вот что, папочка, заканчиваем этот цирк, никакой телохранитель мне не нужен! Ясно? И хочешь ты того или нет, а в экспедицию я поеду, меня уже записали, и отказываться я не собираюсь! Так что можешь сам пользоваться услугами своей телохранительницы! Честно – лучше бы ты любовницу домой привел, стал бы, глядишь, поспокойнее! Носишься со мной, как с пятилетней, а мне вообще-то уже девятнадцать лет! Все, не хочу больше ничего слышать, мне надо делать проект! А вы вдвоем мне мешаете!

Она рассерженно схватила свой ноутбук и принялась яростно стучать по клавишам. Михаил Викторович вздохнул, подошел к дочери и закрыл крышку ноутбука, выхватил переносной компьютер из рук дочери. Зарядное устройство

отскочило, но Корчагин не обратил на это никакого внимания.

Даша же пришла в неистовство.

– Ты с ума сошел?! – завопила она как потерпевшая. – Я сохранить не успела, отдай ноут! Если мой документ пропал, я...

– Ты не успела много напечатать сейчас, а то, что было у тебя набрано, вряд ли куда-то денется, – спокойно заявил Михаил Викторович. – Отдам ноутбук, когда прекратишь артачиться и нормально поговоришь с Евгенией и со мной. Иначе свой ноут не получишь, то же самое касается и мобильного телефона. Хватит уже из меня веревки вить!

– Я ни с кем не буду разговаривать! – закричала Даша. – Отдай!..

Она вскочила с кровати и попыталась отнять у отца ноутбук. Но тот крепко держал компьютер в руках, и девица только зря тратила свои силы.

Я молча наблюдала за семейными разборками. Да, видимо, Корчагин давно привык к подобным сценам, сразу понятно, что для него это не впервой...

Бедный, мне по-человечески его жаль стало. Умерла любимая жена, а дочурка творит что захочет, закатывает скандалы и истерики...

Я поняла, что ничем хорошим все это не закончится, поэтому решила вмешаться в конфликт «отцов и детей».

– Даша, успокойтесь, пожалуйста, – произнесла я тихо, но

твердо.

Девчонка одарила меня таким взглядом, что если бы она умела убивать силой своей ненависти, то от меня бы осталось лишь мокрое место. Я не обратила никакого внимания на уничтожающие взоры дочурки Михаила Викторовича и продолжила:

– Понимаю, вы шокированы тем, что сказал вам ваш отец, вы расстроены. Но примите тот факт, что для вашей же собственной безопасности я поеду вместе с вами в экспедицию. Если вы отправляетесь туда для того, чтобы собрать хороший материал, а не валяться где-нибудь с простреленной головой или погребенной под обвалом, то сделайте милость, отнеситесь к данной ситуации как взрослый человек, а не как истеричный, взбалмошный ребенок. Поверьте, мое присутствие не причинит вам никаких неудобств, я не стану таскаться за вами, как нянька, и все вам запрещать. Подобные услуги я никому не оказываю, это не ко мне. Перевоспитывать вас я тоже не собираюсь, но к себе я потребую уважения и попрошу вас не препятствовать моей работе. Каждый из нас будет занят своим делом: вы – фотографировать, снимать видео и делать материал, а я – следить за тем, чтобы никто на вас не напал и никто вас не покалечил. Вы уже получили эсэмэс-сообщение с текстом угрозы и, полагаю, не хотите, чтобы эта угроза была воплощена в жизнь. Или я ошибаюсь?

– Ошибаетесь! – вскинулась Даша. – Да! Именно! Оши-

баетесь! Знаете, а я как-то не особо хочу жить, надо же, как неожиданно! И главная моя мечта – поскорее сдохнуть, чтобы ни мой папочка, ни вы больше не отравляли мне жизнь!

– Даша! – воскликнул Михаил Викторович потрясенным голосом. – Да как ты смеешь такое говорить?!

«Похоже, строптивица умудрилась все-таки довести своего несчастного отца», – подумала я про себя.

Что ж, один – ноль в пользу Даши, к концу нашего разговора, полагаю, Михаил Викторович совсем потеряет самоконтроль...

Но я сдаваться не собиралась. Если Дарья взбесила своего отца, то меня не так просто вывести из себя.

Я спокойно произнесла:

– Ясно, с этим аргументом я спорить не могу. Итак, насколько я понимаю, в экспедицию вы едете для того, чтобы некто, пославший вам эсэмэс-сообщение с угрозой, воплотил ее, так как жить вам надоело и вы мечтаете лишь о смерти. Я не психолог, чтобы вести с вами разъяснительные беседы, однако существует одна маленькая деталь. Если вы попытаетесь покончить жизнь самоубийством или на вас кто-то нападет в экспедиции, вы рискуете не умереть, а на всю жизнь остаться калекой, которая вряд ли сможет покончить с собой, а эвтаназия у нас запрещена. Вам этого хочется? Знакома с подобным видом мазохизма.

– Мне все это надоело! – взвизгнула Даша.

Она резко повернулась к отцу и потребовала:

– Отдай мне мой ноут!

– Сперва успокойся и извинись за свои слова, – строго проговорил Корчагин. – И передо мной, и перед Женей!

– Не дождетесь! – заявила девица.

Попыталась выхватить ноутбук, но, потерпев поражение, рванула из своей комнаты. Я собиралась было догнать девочку, но Михаил Викторович остановил меня.

– Не стоит, сейчас она слишком взвинчена и на эмоциях. Дашка очень быстро вспыхивает, но надо подождать, пока ее ярость утихнет, и потом уже поговорить. Она и раньше была очень эмоциональной, но после смерти Леночки вспышки агрессии стали более частыми. Боюсь, все это из-за пережитого стресса...

– Вы не пробовали обратиться к психологу? – поинтересовалась я.

Корчагин отрицательно покачал головой.

– Нет, Дашка наотрез отказывается от помощи специалиста, – вздохнул он. – Когда я заговаривал с ней о психологе, она злилась, говорила, что я считаю ее сумасшедшей... В общем, я надеюсь, что когда-нибудь дочь сама поймет, что необходима психотерапия. Пока она считает себя абсолютно нормальной, а вот всех вокруг принимает за врагов. Давайте я сам попробую поговорить с ней и спокойно все объяснить, надо было это раньше сделать... Но я решил, что сейчас дочь находится в нормальном состоянии, не думал, что она так отреагирует. Простите, что так получилось...

– Вы ни в чем не виноваты, – заверила я мужчину. – Все в порядке. Только я бы хотела убедиться, что в настоящее время жизни вашей дочери ничего не угрожает. Вы знаете, куда она ушла?

Я слышала, как девушка обулась и выскочила за пороги квартиры.

Корчагин кивнул:

– Скорее всего, она пошла куда-нибудь в парк, успокоиться. Она любит там бывать, у нас недалеко от дома находится... Погуляет, придет в себя и вернется. Я вам позвоню после того, как поговорю с ней.

– Не думаю, что сейчас вашей дочери разумно гулять одной, пусть и днем, – заметила я. – Если то эсэмэс-сообщение было действительно угрозой, а не чьей-то глупой шуткой, преступник может напасть на Дашу в любой момент! Если вы не возражаете, я хотела бы удостовериться, что с девочкой все в порядке...

– Она не должна далеко уйти, – проговорил Корчагин. – Неужели вы всерьез полагаете, что на Дашу кто-то может напасть? Страшно даже представить такое...

– Все может случиться, – заметила я. – Но, на мой взгляд, лучше перестраховаться, чем недоглядеть и потом ругать себя на чем свет стоит.

Михаил Викторович согласился со мной, мы покинули квартиру и вместе с ним отправились в парк, где, как полагал Корчагин, должна находиться Даша.

Он оказался прав, девушка действительно была в сквере, она с кем-то разговаривала по телефону. Михаил Викторович с облегчением вздохнул и повернулся ко мне.

– У самого от сердца отлегло, когда увидел дочку! – тихо проговорил он. – А то вы меня напугали... Давайте не будем попадаться Даше на глаза, а то она опять сердиться начнет... Лучше я попробую с ней поговорить сам, чуть позже...

– Хорошо, – кивнула я. – Как скажете. Вы можете сообщить мне, с кем ваша дочь сейчас может разговаривать по телефону? Судя по всему, с кем-то очень близким, с другом или подругой. Я полагаю, Даша хочет рассказать этому человеку, что произошло сегодня. С кем она может делиться своими проблемами?

– Не знаю... – растерялся Корчагин. – Дочка не рассказывает мне о своих друзьях... К сожалению...

– Ладно, поступим по-другому, – произнесла я. – Вы хотя бы знаете, в какой группе учится Даша?

– Ну конечно, знаю, я не настолько безответственный отец! – возмутился мужчина. – Еще бы я не знал!

– Не воспринимайте мои вопросы так близко к сердцу, – сказала я. – Я не считаю вас безответственным человеком, ничего личного я не имела в виду. Я всего лишь собираю информацию о вашей дочери!

– Простите, сам понимаю, что я толком не могу вам рассказать о Даше, – проговорил Корчагин. – Учится она на втором курсе, то есть перешла на третий курс. Группа «ЗТЗ»,

первая цифра – это номер группы, буквенная аббревиатура означает специализацию – телевизионная журналистика, а последняя цифра – номер курса. Раньше группа Даши именовалась «ЗТ2», а на первом курсе – «ЗТ1». Закончит учиться дочь в группе «ЗТ5».

– То есть обучение длится пять лет, – подытожила я.

Михаил Викторович кивнул.

– Вы говорили, что Даша увлекается фотографией, – продолжала я. – Почему тогда она учится на факультете телевизионной журналистики? Насколько я понимаю, фотоискусство там не особо требуется.

– Даша сама выбрала факультет с такой специализацией, – с гордостью произнес Корчагин. – Он считается самым престижным из всех. По окончании у дочери всегда будет работа, которая хорошо оплачивается. Она сама поступила, экзамены очень хорошо сдала, Дашка ведь умная и талантливая девка. Если бы она ответственно относилась к учебе, я уверен, с ее способностями она бы и золотую медаль в школе получила, и красный диплом – в вузе. Увы, в бочке меда всегда найдется своя ложка дегтя, из-за своего взрывного характера Даша частенько прогуливает учебу, она находит какие-то увлечения и из-за них забывает о самом главном. Больше всего боюсь, что ее в очередной раз «переклинт» и она бросит университет, хотя я помню, как она мечтала туда поступить. Просто загорелась идеей и после выпускных экзаменов месяц просидела за учебниками, не выходя

из дома. Я ей даже репетиторов нанимал, видел, что Даша очень хочет учиться, радовался, что дочка справилась с потерей матери. Полгода дочка на крыльях счастья летала, делала по учебе больше всех ребят из группы, получала повышенную стипендию. Но настал второй семестр, и Дашка загорелась идеей стать гитаристкой. Я, признаться, в шоке был – музыкой дочь никогда не жаждала заниматься, Леночка отдавала ее в детстве в музыкальную школу на класс фортепиано, но прошла пара уроков, и Дашка с истерикой заявила, что ни в какую музыкалку она ходить не станет...

Ну да ладно, не в этом дело. Короче говоря, Дашутка нашла себе новую забаву – купила акустическую гитару на деньги, которые сама скопила со стипендии, и наша жизнь превратилась в настоящий кошмар. Дашка мучила несчастную гитару денно и ночью, спать было невозможно – она врубала звук на ноутбуке, когда разучивала очередную мелодию. Пары стала прогуливать, никакие уговоры на нее не действовали... Оставалось только одно: надеяться на то, что дочка наиграется и забросит свою гитару, как и другие развлечения. Так оно и случилось, но вот с повышенной стипендией Дашке пришлось попрощаться. Слишком много у нее было прогулов и слишком запустила она учебу, хорошо хоть, сессию кое-как сдала... Летом гитаре пришел конец, Дашка снова вернулась к фотографии, заново влюбилась в журналистику. Это лишь небольшой эпизод из жизни моей дочери – так, чтобы вы составили себе представление о ней. Увы,

ваша первая встреча с Дашкой прошла не слишком гладко, но вы не вините ее. Такой она человек, у нее все через край. И не может она остановиться на чем-то – если какая-то вещь захватывает ее, то Дарья посвящает этой вещи все свое время, все свои силы. Но чего-то достигает – и «игрушка» больше не кажется ей такой интересной, как раньше. Либо дочка возвращается к старым затеям, если есть какие-то перспективы, или придумывает новую «игру»...

– А депрессии у вашей дочери случаются? – поинтересовалась я.

Чем-то поведение дочери Михаила Викторовича напомнило мне симптомы психического заболевания, именуемого биполярным расстройством или маниакально-депрессивным психозом. Страдающие этим недугом пациенты всю жизнь проводят на эмоциональных «качелях» – периоды мании, одержимости чем-либо или кем-либо сменяются у них опустошенностью и затяжной депрессией.

Вслух я свою догадку говорить не стала – мало ли, Корчагин может решить, что я с ходу записала его дочурку в потенциальные пациенты психиатрической клиники. Поэтому расспрашивала я Михаила Викторовича очень осторожно.

– Да я не сказал бы, – пожал плечами Корчагин. – Вспыльчивая – да, иногда Дашка даже бывает агрессивной. Но сидеть без дела она никогда не будет, слишком много у нее этих дел. Если говорить о темпераменте, то она – типичный холерик, тогда как я – флегматик. Леночка вот тоже была флег-

матичной натурой, очень спокойной...

– Ясно, – кивнула я, не выпуская Дашу из поля зрения.

Девушка уже поговорила с кем-то по телефону, теперь она сидела на лавочке и что-то смотрела в своем мобильнике. Никуда Даша не спешила и не торопилась, поэтому я продолжала:

– Михаил Викторович, скажите, кто знает о предстоящей экспедиции?

Корчагин ненадолго задумался, потом пожал плечами.

– Да полно народу. Ребята с группы дочери точно в курсе, геологи, которые едут, еще полно всех... Я детально вам не скажу, но можно зайти на сайт «Флотилии» и посмотреть, кто участвует во всем этом.

– То есть теоретически эсэмэску Даше мог написать кто угодно... – задумчиво произнесла я. – А вы, случайно, не знаете, ваша дочь знакома с кем-нибудь из геологов, участвующих во «Флотилии»? И кто из учащихся университета вашей дочери едет в экспедицию?

– Насчет геологов – не в курсе, мы с дочерью мало разговаривали о предстоящей поездке, – вздохнул Корчагин. – И все наши разговоры перерастали в скандалы и Дашины истерики. Я ведь против поездки, а она настаивает на своем...

– Но одноклассники Даши, насколько я помню из вашего рассказа, не пожелали ехать, так?

– Да, но позвали ребят с других курсов, – кивнул Михаил Викторович. – Даже не спрашивайте, кого именно, – я все

равно не знаю...

– Хорошо, – согласилась я. – Михаил Викторович, какой у вас график работы? Во сколько вы приходите на службу, во сколько возвращаетесь?

Корчагин удивленно посмотрел на меня, но ответил на мой вопрос:

– Ну, работаю я иногда пять дней в неделю, иногда – и вовсе без выходных. Обычно на работу приезжаю к девяти утра, часто задерживаюсь допоздна... А почему вас это интересует?

– Чисто теоретически ваша дочь могла приглашать своих друзей домой в ваше отсутствие, – пояснила я. – Поэтому я хочу расспросить вашу домработницу, Серафиму Павловну. Или у вас дома есть видеокamеры, которые фиксируют происходящее? Признаюсь, если таковые имеются, снимаю шляпу – я ничего не заметила...

– Я давно думал установить их, но руки так и не дошли, – произнес Михаил Викторович. – Да и зачем? Серафиме Павловне я доверяю, она у нас давно работает, около четырех лет. За все это время у меня к ней никаких претензий, болтлива она, правда, зато работает на совесть. И воровать никогда в жизни не будет – я ей хорошо плачу, и, на мой взгляд, ей просто нравится вести домашнее хозяйство. Тот редкий случай, когда работа совпадает с хобби... Все ценные вещи находятся в моем сейфе, его взломать невозможно, даже самый опытный грабитель не сможет подобрать комбинацию.

Для этого надо быть гением преступного мира, а Серафима Павловна женщина, конечно, расторопная, но на хакера не тянет. Дашка в мою комнату не заходит, ей незачем брать какие-то мои личные вещи или искать деньги. Дочка знает, что ей достаточно попросить нужную сумму денег, и я без лишних вопросов ей перечислю на карту.

– То есть взломщиков вы не боитесь, – подытожила я.

Корчагин неопределенно пожал плечами.

– Сомневаюсь, что они смогут проникнуть в дом, – заметил он. – Серафима Павловна посторонним дверь не открывает, а взломать замок вряд ли у кого получится. И потом, дома постоянно кто-нибудь есть – то домработница, то Даша, то я.

– Раз камер у вас нет, придется мне поговорить с Серафимой Павловной, – сказала я. – Она сегодня до шести работает?

– Да, можете пойти к нам, она откроет, – кивнул Михаил Викторович. – Скажете, что вы – моя знакомая, Серафима Павловна вас видела сегодня в моей компании.

– Она знает, что вы наняли телохранителя? – поинтересовалась я.

– Нет, если домработница не слышала нашего разговора с Дашей, то она не в курсе рода вашего занятия, – проговорил Корчагин. – Вы не хотите, чтобы Серафима Павловна знала?

– Лучше, если вы не станете говорить посторонним людям о том, кем я являюсь, – произнесла я. – Об этом должны

знать лишь вы и ваша дочь. Чем дольше преступник будет думать, что он хозяин положения, тем лучше. А так как мы не знаем, кто угрожал Даше, не стоит никому рассказывать о том, что вы наняли для дочери телохранителя.

– Ясно, я и не собираюсь никому ничего говорить, – сказал Михаил Викторович. – Но вот Даша – она запросто может разболтать кому-нибудь о сегодняшнем скандале. Мало ли с кем дочка общается, сейчас вот она разговаривала по телефону...

– Когда вы хотите поговорить с Дарьей?

Корчагин задумался, потом неуверенно произнес:

– Может, сейчас подходящее время... Только поймите меня правильно, лучше, если я побеседую с Дашей сам. Спокойно, без присутствия кого бы то ни было. А вы можете пока поговорить с Серафимой Павловной, если вам это удобно.

– Разумеется, – кивнула я. – Да, вот еще что...

Я открыла свою сумку, с которой никогда не расстаюсь, вытащила оттуда шариковую ручку. Протянула ее Михаилу Викторовичу и проговорила:

– Попытайтесь отдать эту вещь вашей дочери. Если не представится подходящего момента, просто киньте ручку ей в сумку. Это очень важно, не забудьте!

– Хорошо, а зачем? – удивился Корчагин. – Это что, секретное оружие, что ли? Типа перцового баллончика, чтобы Дашка оборонялась от преступников?

– Нет. Давать в руки оружие девятнадцатилетней девочке,

которая вряд ли умеет им пользоваться, идея глупая. Преступник запросто отнимет баллончик, нож или огнестрельное оружие у неопытного противника, и вреда от орудия самообороны будет больше, чем пользы. Лучше не задавайте лишних вопросов, отдайте ручку дочери во время разговора. А я не буду вам мешать, побеседую с домработницей.

– Ладно, я вас понял. – Михаил Викторович забрал ручку, я же направилась обратно в дом Корчагиных.

К моему приходу домработница уже вернулась из магазина, сейчас Серафима Павловна хлопотала на кухне – готовила еду для Михаила Викторовича и его дочери.

Мне она открыла дверь только после того, как я назвала свое имя и сказала, что приходила недавно вместе с Корчагиным, который в настоящее время беседует с Дарьей в парке.

Серафима Павловна вежливо предложила мне пройти в зал и подождать хозяев, но я отказалась.

– Прошу прощения, но я вам сильно помешаю, если задам вам пару вопросов? – спросила я женщину.

Та округлила глаза.

– Вы хотите поговорить со мной? – удивленно спросила Серафима Павловна. – Представления не имею о чем...

– Не пугайтесь, ничего страшного я у вас спрашивать не буду! – заверила я женщину. – Михаил Викторович рассказывал вам что-нибудь обо мне?

– Нет, да он и не обязан мне говорить, кто и по какому делу приходит к нему домой! – заметила домработница. – Я в дела хозяев не лезу, мое дело – убираться, стирать да еду готовить, а все остальное не моего ума дело! Я стараюсь не мешать Михаилу Викторовичу и Дашеньке, у них ведь свои дела, а у меня свои!

– Да вы не беспокойтесь так! – Я улыбнулась. – Если хотите, мы можем пойти на кухню, чтобы я не отрывала вас от работы. Я понимаю, что вам надо многое успеть сделать, поэтому не смею занимать ваше время!

– Ой, вот это вы верно заметили! – всполошилась Серафима Павловна. – Дашенька хочет крошку кушать, а там надо готовить все по особому рецепту. Дашенька мясо не ест, яйца – только на завтрак и без желтка, только белок. А Михаил Викторович, наоборот, любит плотно покушать, поэтому для него надо приготовить что-то сытное и вкусное. Если что-нибудь напутаю, получится нехорошо, поэтому надо все успеть сделать...

– Вот заодно и расскажете мне, как вы готовите еду! – заявила я. – Давно хочу научиться готовить, по мне, так это очень сложно.

– Да ладно вам! – воскликнула домработница. – Что же тут сложного, главное – придерживаться рецепта и точно измерять вес продуктов, чтобы блюдо получилось такое, какое нужно. Поначалу только кажется, что трудно, но со временем привыкаешь и готовишь быстро и вкусно. Конечно, если вы

готовите не только для себя, а, скажем, как я, работаете на кого-то, то надо учитывать вкус людей, для которых вы печете или жарите что-то. Кто-то ведь любит приготовленное на пару, кто-то обожает все острое или жирное, кто-то вообще вегетарианец... Вы кем работаете, если не секрет?

– Я думала, что вы уже поняли... – Я притворилась растерянной.

– Да как же я пойму? – изумилась Серафима Павловна. – У вас на лбу не написано, в униформу вы не одеты... Были бы вы в белом халате, я бы поняла, что вы врач, а так – одеты обычно, у вас может быть какая угодно профессия! Может, вы работаете с Михаилом Викторовичем, то есть его сотрудница? Секретарша?

Я поняла, что домработница не подслушивала нашего разговора в комнате Дарьи. Это было мне только на руку, поэтому я с улыбкой проговорила:

– Нет, вы не угадали. Михаил Викторович нанял меня, чтобы я поработала с Дашей. Я – психолог.

– Ой, батюшки мои! – всплеснула руками Серафима Павловна. – Психолог? Это ж... ну, вы понимаете, неужто с Дашенькой что случилось? Она больна?..

– Вы ошиблись, я не психиатр, а всего лишь психолог, – проговорила я. – Если вы опасаетесь, что у Даши психическое заболевание, то поспешу вас успокоить, это не так. Психиатр или психотерапевт занимается пациентами, имеющими расстройство психики, тогда как психолог работает с

людьми, которые пережили потрясение, у которых имеется трудная жизненная ситуация, проблемы в жизни. Психолог помогает человеку самому найти решение, сделать верный выбор. Именно этим я и занимаюсь.

– Да, я знаю, что у Михаила Викторовича и у Дашеньки произошло горе, умерла жена хозяина. Дашина мама... Вас поэтому Михаил Викторович нанял?

– Да, но не только. – Я вздохнула. – Понимаете, дело в том, что Даша находится в непростой ситуации и сама справиться со своими трудностями, увы, не может. Я хочу помочь девочке выйти из этого состояния, вот только без помощи самой Даши я, к сожалению, ничего сделать не могу. Я пыталась поговорить с девочкой, но она все восприняла в штыки, убежала из дома, сейчас ее отец с ней разговаривает. Но если Михаил Викторович не сможет убедить Дашу в том, что ей нужна помощь, наша работа с девочкой не сложится. А я очень щепетильно отношусь к своей профессии, если ко мне обращаются за консультацией, стараюсь сделать все возможное, дабы помочь своему клиенту. Но о Даше я мало что знаю и как найти к ней подход, пока не представляю. Все-таки вы много времени проводите в доме Корчагиных, наверняка можете рассказать о Даше. Что она за человек, есть ли у нее друзья, или она проводит все свое время в одиночестве. Какие вопросы ей лучше не задавать, что может оскорбить ее, ну и все в таком роде. Если бы вы согласились помочь мне, я была бы вам очень благодарна!

Серафима Павловна задумалась, потом неуверенно проговорила:

– Даже и не знаю, что вам рассказать о Дашеньке... Лучше всего я знаю о вкусовых пристрастиях хозяев и о том, насколько бережно они относятся к вещам, поддерживают ли в доме порядок или, наоборот, постоянно разбрасывают вещи... Михаил Викторович, к примеру, всегда все бумаги кладет в одно место, в комнате у него даже убираться не нужно, все аккуратно лежит там, где должно находиться. Он любит темно-синий и черный цвета в одежде, у него есть три деловых костюма в темной гамме и пять рубашек, белого и бежевого цветов. Несколько пар обуви, за которой он тоже следит. А Дашенька, напротив, ухитряется все разбросать, она не любит класть одежду в шкаф и кидает ее на кровать или на стул. Частенько теряет носки, я постоянно нахожу несколько носков разных цветов без пар. Одежду девочка покупает разную, любит черные футболки большого размера, мини-юбки, джинсы, которые сейчас модные, – рваные такие, знаете? Ужасно выглядит, но о вкусах не спорят. Кто я такая, чтоб в моде разбираться! Естественно, старуха вроде меня подобную одежду носить не станет, а вот Дашенька такое любит. Она постоянно красит волосы в разные цвета – точнее, основную часть волос оставляет черной, а пряди красит в яркие оттенки. У нее много странных украшений, в основном все металлическое и мрачное. Всякие кулончики с черепами, колечки, браслетики с шипами, ну и все в таком

роде. На мой взгляд, подобные вещи покупать не нужно, не то накличешь на себя беду, но Дашенька надо мной смеется и считает меня несовременной теткой... Но она не со зла, я-то вижу, что девочка она добрая, хотя и пытается выглядеть агрессивной и мрачной. Бывает, резкое что-то скажет и обидное, но я на нее не обижаюсь, возраст такой, да и маму бедняжка потеряла, кто угодно станет злиться и сердиться на жизнь. Я люблю Дашеньку, как родную, мне очень ее жалко... У меня-то самой детей нет, не сложилась моя судьба, поэтому, наверно, и привязалась к девочке. Считаю ее своей внучкой, только никому об этом не говорю. Вообще семья очень хорошая, Михаил Викторович – добрый человек, вежливый, участливый. Всегда меня поблагодарит за вкусное блюдо, всегда комплимент скажет. Дашенька хоть и не часто со мной общается, но она очень талантливая девочка, способная, одаренная! Очень хотелось бы, чтобы у нее жизнь хорошо сложилась, чтобы замуж вышла за достойного человека, детишек бы родила... И профессию интересную получила, как она хочет!

– А Даша с кем-нибудь из сверстников общается? – поинтересовалась я, прервав рассказ Серафимы Павловны.

Домработница пожала плечами.

– Не знаю, наверно, общается с кем-то. Она домой никого не приглашает, но думаю, в институте у нее есть подружки...

– Что, неужели Даша совсем никого не зовет в гости? – изумилась я. – Не похоже на поведение молодой девушки...

Не знаете почему?

– Понятия не имею, – пожалала плечами домработница. – Но Даша постоянно с кем-то разговаривает по телефону, она запирается у себя в комнате и подолгу с кем-то беседует. Может, она стесняется кого-либо домой приглашать, я как-то не интересовалась...

– Очень странно, – заметила я. – А вы не в курсе, молодой человек у Даши есть?

Серафима Павловна задумалась, потом неуверенно проговорила:

– По идее, должен быть, Дашутка ведь девушка молодая, красивая. Думаю, есть, у всех девушек в ее возрасте есть кавалеры. Вот у меня в молодости такой ухажер был, все замуж звал! А я с ним строга была, хоть парень мне и нравился. Но думала, что если буду вести себя как неприступная королева, то произведу на него впечатление! Вот и произвела... только не я, а Машка Авдотьева. С ней он роман и закрутил, Машка-то посговорчивее была, зря я потом в подушку плакала да локти кусала... Так и осталась неприступной королевой, замуж не вышла. Все ждала того самого, единственного и прекрасного. Но принцев на белом коне не существует, вымерли все в древности, и кони перевелись. А первую любовь частенько идеализируют, особенно если отношения не сложились. Но сейчас другое время, девушки ведут себя совсем не так, как раньше. Поэтому все крутят романы, все бегают на свидания, безо всяких там китайских церемоний.

Не думаю, что Даша ведет себя так же, как и я в молодости. Уверена, у нее есть молодой человек, вот только домой его она не приводит, с Михаилом Викторовичем не знакомит...

– А откуда вам это известно? – поинтересовалась я. – Вы ведь до шести работаете у Корчагиных, может, Даша вечером когда и привела своего ухажера, с отцом познакомить?

– Нет, Михаил Викторович сам у меня как-то спрашивал, не видела ли я с Дашей какого-нибудь молодого человека. Сказал, мол, у дочери есть парень, но та его почему-то скрывает. Михаил Викторович переживает за дочь, и такое поведение Даши и ее скрытность показались ему подозрительными. Обычно ведь, если человек хороший, девушка семью с ним знакомит, а вот Даша... Та все молчит, а на вопросы отца отвечает, что потом как-нибудь пригласит этого таинственного Ромео домой. Вроде как его Андреем зовут, а может, Артемом – точно не скажу. Даша один раз назвала случайно имя своего молодого человека во время разговора с отцом. Вы не думайте, я не подслушивала, просто убиралась в комнате, а Михаил Викторович с Дашей очень громко разговаривали. Вот я и услышала часть их беседы, Дашенька обещала отцу, что обязательно позовет этого Андрея-Артема в гости, только сейчас не время. Вроде этот парень ее занят очень и сейчас по гостям расхаживать не может...

– Очень интересно, – протянула я. – Чем так может быть занят молодой человек, что ему некогда прийти домой к девушке, с которой он встречается? А может, он просто намно-

го старше Даши, вот та и находит отговорки? Как вы думаете?

– А кто ж наверняка-то знает? – вздохнула Серафима Павловна. – Тут только у Даши спрашивать, но если она не захочет рассказывать, то от нее ничего и не дождешься. Такая она, скрытная вся...

На вопрос, кто все знает, я могла дать ответ. И я запросто могла бы установить имя загадочного бойфренда дочери Михаила Викторовича, если бы мне удалось порыться в ноутбуке Даши.

Если девчонка переписывается со своим Андреем-Артемом, мне не составит труда зайти в систему, узнать пароль ноутбука и получить доступ к переписке девушки. Вот только как мне подобраться к ноутбуку Даши? Надо придумать предлог, чтобы проникнуть в комнату девушки и поработать с ее компьютером.

Я уже установила «жучки» в прихожей и на кухне – сделала это быстро и незаметно, Серафима Павловна даже ничего не увидела. За годы своей практики я научилась устанавливать прослушки везде, где только можно, в присутствии посторонних людей, которые не замечали моих манипуляций. Вряд ли Серафима Павловна вообще знает, как выглядят «жучки», – многие понятия не имеют, что собой представляют прослушивающие устройства. Современные технологии здорово облегчают работу телохранителей, следователей и других борцов за справедливость. К слову сказать, пре-

ступники тоже научились использовать чудеса науки в своих целях, но не об этом сейчас речь. В ручке, которую я отдала Михаилу Викторовичу, находился «жучок», и, когда Корчагин отдаст ее Даше, я смогу контролировать все перемещения девушки. Жаль, что я не успела лично сделать это – во время нашей первой встречи с Дарьей у меня не было подходящей возможности. Но я очень надеялась, что Михаил Викторович не забудет мою просьбу, что значительно упростит работу.

– Серафима Павловна, а Даша часто оставляет свой телефон без присмотра? – спросила я.

Домработница отрицательно покачала головой.

– Вообще никогда, мобильный она постоянно таскает с собой. Даже в туалет идет с телефоном, прямо смешно иногда! А ведь раньше люди как-то без своих смартфонов обходились, да и вообще пользовались стационарным, «домашним» телефоном! Не было ни мобильных, ни компьютеров! Вы молодая, не помните тех времен, а вот я часто вспоминаю с ностальгией, как мы встречались с подругами, писали письма друг другу, если далеко находились, в разных городах, как вживую общались, а не строчили сообщения в социальных сетях, как сейчас принято! Мне кажется, раньше и люди были гораздо отзывчивее, добрее. А нынче каждый сидит в своем собственном компьютерном мирке, отгородившись от других непробиваемой виртуальной стеной, люди даже забыли, как шариковыми ручками писать! Я до сих пор не могу

привыкнуть к своему сотовому телефону, хотя у меня он самый примитивный, умеет только звонить да эсэмэс писать... Принципиально не хочу пользоваться смартфонами, мне кажется, они делают людей глупее...

– Даша в основном разговаривает по телефону или пишет эсэмэс? – Я прервала поток размышлений домработницы, которые мне были совершенно бесполезны.

Серафима Павловна пожала плечами.

– Да когда как. Но если Даша и разговаривает по мобильному, то тихо, ее и не слышно. Запирается у себя в комнате, чтоб никто ничего не услышал. Хотя не знаю зачем – как будто у нее тайны какие... Но это ее дела, девичьи, может, она со своим кавалером душевные беседы ведет, мало кто захочет, чтобы такие разговоры кто-то услышал. А может, и нет, я ведь не подслушиваю, делаю свою работу, и все!

– Михаил Викторович говорил мне, что вы работаете в семье довольно долго, – проговорила я. – Вроде четыре года, или я ошибаюсь?

– Да, примерно так, – кивнула Серафима Павловна. – Когда жена Михаила Викторовича умерла, ему было очень трудно и работать, и заниматься домашним хозяйством. Дашеньке было пятнадцать лет, но готовить она не любит, а уборку вообще терпеть не может. Поэтому Михаил Викторович и стал искать домработницу, обратился в агентство, куда я недавно устроилась на работу. У них было мое резюме, но работу мне еще не предлагали, я раньше работала сиделкой

у больных, а потом тяжело стало. Все-таки работа сложная, поэтому я поменяла профессию. Не думала, что мне повезет с работой, в приоритете ведь те люди, у которых имеется нужный опыт, а я домработницей не была... Но мне перезвонили и сказали, что есть возможность работать в одной семье, где проживает вдовец с дочкой. Я и согласилась, стала работать у Корчагиных и ни капли не жалею, что отдала свое резюме в то агентство!

– Вы без выходных работаете? – поинтересовалась я.

– В основном да, редко когда беру день отдыха, только когда домашние дела накапливаются. Но я живу одна, ни мужа, ни детей у меня нет, только кошка, Дуська. Но она весь день спит только, я утром за ней убираю, еды насыпаю, а вечером прихожу. Такая вот у меня семья – из двух персон, кошки и меня...

– И за все четыре года, которые вы работаете у Корчагиных, вы не видели ни одной подружки Даши? – удивилась я. – Одноклассники, друзья, их тоже у Дарьи не было?

– Когда Дашенька в школе училась, были, конечно, – нехотя проговорила Серафима Павловна. – Понимаете, я стала работать у Корчагина в очень непростой для них период жизни, прямо после смерти Лены. Не хочется вспоминать все это, горе Михаила Викторовича и Дашеньки я воспринимала как свое собственное. Девочка очень страдала, не знала, как справиться со своим горем. Первое время, когда я только начала работать, Дашенька ни с кем не разговаривала, только в

своей комнате сидела. Она, по-моему, даже меня не заметила – что я появилась в доме... Есть отказывалась, хотя я старалась, как могла, готовила самые вкусные блюда, которые только можно вообразить. Михаил Викторович ел все в одиночестве, он даже думал Дашеньку в больницу положить. Но потом она вдруг в себя пришла, стала ходить в школу, задерживалась где-то допоздна. Я-то сразу почуяла неладное, но Михаил Викторович ничего не замечал, а я ему не рассказывала – все-таки не мое это дело... Но потом и он узнал, что Дашенька школу прогуливает и пахнет от нее сигаретами и алкоголем. Вот тогда Даша приводила в гости свою подружку, Веру Галашеву, с ней в основном общалась. Вера эта мне не нравилась – она казалась слишком вульгарной и развязной девицей. Но Дашенька очень была дружна с ней, Вера у Корчагиных часто бывала, в основном когда Михаил Викторович находился на работе. Они с Дашенькой даже курили на балконе – я потом убиралась, видела пепел от сигарет и один раз нашла окурочек, который, видимо, девочки не выбросили, так как не заметили его. Но Михаил Викторович узнал, что Дашенька с дурной компанией связалась, настоял, чтобы дочка взялась за ум. В конце концов Даша стала учиться, прекратила прогуливать школу и сдала все экзамены очень хорошо. Занялась подготовкой к вступительным экзаменам, а Веру Галашеву я в доме Корчагиных больше не видела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.